

Date: 13th October-2026

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ КОЛДОВСТВА И ЗНАХАРСТВА В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Жўраева Гавҳаршода

Термиз давлат университети магистранти

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ лексики колдовства и знахарства в русском и узбекском языках. Рассматриваются происхождение и состав лексических единиц, их семантическая структура и оценочность, основные лексико-семантические группы (наименования лиц, действий, предметов и состояний), а также явления табу и эвфемизации, фразеология и современные изменения в данной сфере. Показано, что при наличии универсальных черт (вера в магическую силу слова, противопоставление вредоносного и целительного воздействия) каждая из лексических систем обладает национально-культурной спецификой, обусловленной различиями в этимологическом составе и религиозно-культурных традициях. Результаты могут быть использованы в сопоставительной лексикологии, лингвокультурологии, переводоведении и лексикографии.

Ключевые слова: колдовство, знахарство, лексика, сопоставительный анализ, русский язык, узбекский язык, лингвокультурология, табу, эвфемизм, фразеология.

ВВЕДЕНИЕ

Лексика колдовства и знахарства относится к числу наиболее архаичных и культурно нагруженных пластов языка. В ней закреплены представления народа о болезни и здоровье, о границе между «своим» и «чужим» миром, о природе слова и его магической силе. Именно поэтому данная лексика является ценным источником для лингвокультурологии, этнолингвистики и сопоставительной лексикологии.

Актуальность исследования определяется тем, что русский и узбекский языки принадлежат к разным языковым семьям (славянской и тюркской) и формировались в различных религиозно-культурных условиях: русская традиция складывалась на основе восточнославянского язычества и православия, узбекская — на основе тюркских доисламских верований, зороастрийского наследия и ислама с сильным влиянием суфизма и восточной медицины. Сопоставление лексики в этих условиях позволяет выявить как универсальные, так и национально-специфические черты языковой картины мира. Кроме того, подобных работ, охватывающих русско-узбекские соответствия в данной сфере, до сих пор немного, что подчёркивает научную новизну темы.

Цель исследования — выявить сходства и различия в составе, семантической структуре и функционировании лексики колдовства и знахарства в русском и узбекском языках. Для достижения цели решаются следующие задачи: определить состав и происхождение лексических единиц; описать их семантическую и

Date: 13th October-2026

оценочную структуру; проанализировать явления табу и эвфемизации; рассмотреть фразеологию и поговорки; проследить современные изменения в данной лексике.

1. Происхождение и состав лексики

Русская лексика рассматриваемой сферы в основном исконна и восходит к праславянскому и древнерусскому пластам. К ним относятся такие слова, как колдун, ведьма, знахарь, ворожея, шептун, волхв, заговор, наговор, порча, сглаз, присуха, оберег. Многие из них мотивированы обрядовыми действиями и звучащим словом: шептать, ворожить, заговаривать, наговаривать. Заметный слой составляют и церковнославянизмы, отражающие влияние христианства (чародей, волшебник, кудесник, бесовство), а также поздние заимствования (магия, экстрасенс, гороскоп).

В узбекском языке ядро лексики образуют арабо-персидские заимствования, связанные с исламской культурой и восточной научной традицией: *sehrGAR*, *jodugar*, *afsun*, *ovsun*, *folbin*, *tabib*, *duo*, *shirk*, *dam solmoq*. Наряду с ними сохраняются исконно тюркские слова и понятия, восходящие к шаманской традиции: *baxshi*, *sehr-jodu*, *ko'z tegishi*, *tumor* (предмет-оберег). Так, слово *baxshi* в разные периоды обозначало и певца-сказителя, и знахаря-целителя, что указывает на синкретизм функций в тюркской традиции.

Таким образом, если русская лексика преимущественно исконна и связана с дохристианским пластом, то узбекская демонстрирует многослойность: тюркская основа, иранское и арабское наследие. Это различие обуславливает и разную степень прозрачности внутренней формы слов для носителей языка.

2. Семантическая структура и оценочность

В русском языке наблюдается достаточно чёткое разграничение двух сфер: колдовство как воздействие, чаще всего направленное во вред (порча, приворот, сглаз), и знахарство как народное врачевание (лечить травами, заговаривать грыжу, отчитывать). Под влиянием церковной идеологии многие названия получили отрицательную оценку: колдун, ведьма, чернокнижник ассоциируются с нечистой силой, тогда как знахарь, травница, бабка-шептуха нередко имеют нейтральную или положительную коннотацию, хотя и не лишены оттенка сомнительности, особенно в современном официальном дискурсе.

В узбекском языке оценка во многом определяется религиозной легитимностью действия. *Tabib* и *duo* воспринимаются как носители уважаемой и допустимой практики, в то время как *jodugar* и *sehrGAR* связаны с запретным и греховным, что соответствует исламским нормам. Слово *folbin* занимает промежуточное положение: в бытовой речи оно может быть нейтральным, а в религиозном контексте — осуждаемым. Оценочный знак ряда единиц, таким образом, не закреплён жёстко, а зависит от контекста и социальной роли говорящего.

Существенно и то, что в узбекском языке значительная часть знахарских практик мотивирована обращением к Богу и священному тексту (*duo*, *oyat*, *o'qitish*), тогда как в русской традиции ведущую роль играет заговор, сочетающий христианские и дохристианские элементы (двоеверие). Это отражается и на составе лексики, и на структуре соответствующих текстов.

3. Лексико-семантические группы

Для сопоставления целесообразно выделить несколько тематических групп. Первая — наименования лиц: рус. колдун, знахарь, ворожея, гадалка, целитель; узб. sehrGAR, jodugar, tabib, folbin, baxshi, duogo'y. Вторая — названия действий и процессов: рус. ворожить, привораживать, заговаривать, порчу наводить; узб. afsun o'qimoq, dam solmoq, fol ochmoq, sehrlamoq. Третья — обозначения предметов и средств: рус. оберег, амулет, зелье, трава; узб. tumor, ko'z munchoq, isiriq, dori-darmon. Четвёртая — названия состояний и результатов: рус. сглаз, порча, недуг, хворь; узб. ko'z tegishi, kasallik, jin urgan.

Сопоставление показывает, что при общности концептуальных областей номинативные средства не совпадают: ряд русских понятий не имеет прямых эквивалентов в узбекском языке и передаётся описательно, и наоборот. Например, узбекский обычай окуривания isiriq (гармалой) с целью защиты от дурного глаза требует пояснения при переводе на русский язык, а русские присуха и отсуха переводятся на узбекский лишь описательными конструкциями. Такие лакуны отражают реалии, специфичные для каждой культуры.

4. Табу и эвфемизмы

Обе языковые культуры демонстрируют веру в силу слова, что находит выражение в табуировании и эвфемизации. В русском языке нечистая сила и болезнь нередко называются иносказательно: нечистый, лихой, тот, кого не называют, лихорадка, огневица; при этом сама лексика заговоров строится на запретах и предписаниях, связанных с произнесением слов. В узбекском языке для обозначения злых духов и болезней также употребляются иносказания: shayton, jin, yomon ko'z заменяются формулами с вежливо-оберегающим значением, а произнесение имён в некоторых контекстах сопровождается формулами защиты (bismillah, a'uzu billah).

Таким образом, табу и эвфемизмы выступают одной из универсальных черт рассматриваемой лексики, однако их форма и источник различны: в русской традиции они связаны с народными запретами и апотропеическими формулами, в узбекской — в большей мере с религиозными и этикетными нормами.

5. Фразеология и паремии

Фразеологический фонд обоих языков хранит следы магического мировоззрения. В русском языке широко известны обороты как заговорённый, навести порчу, сглазить, как рукой сняло, приворотное зелье, ведьмин круг, ни слуху ни духу; многие из них утратили прямую связь с обрядом и приобрели переносное значение. В узбекском языке подобную функцию выполняют выражения типа ko'zi tegmasin, afsun qilmoq, dam urmoq, og'zi duo, а также пословицы, подчёркивающие как силу слова, так и осуждение суеверий.

Сопоставление фразеологических единиц позволяет выявить как совпадающие образы (глаз как источник вреда, слово как орудие воздействия, трава и вода как лекарство и оберег), так и специфические, отражающие локальные традиции: для русского языка характерны образы леса, нечистой силы, печи и порога, для узбекского — образы дыхания (dam), священного слова и защитных растений.

Date: 13th October-2026

6. Современные тенденции

В настоящее время лексика колдовства и знахарства в обоих языках переживает существенные изменения под влиянием глобализации, средств массовой информации и интернет-коммуникации. Появляются новые номинации: рус. экстрасенс, биоэнергетик, таролог, нумеролог, коуч по энергиям; узб. ekstrasens, bioenergetik, tarolog. Значительная часть этих слов заимствуется из английского и русского языков, причём русский язык нередко выступает посредником для узбекского.

Одновременно наблюдаются процессы архаизации и историзации: слова, обозначавшие традиционные практики, уходят на периферию словаря, сохраняясь в диалектах, фольклоре и художественной речи. Параллельно происходит своеобразная реабилитация народных практик в рамках «альтернативной медицины» и «этнокультурного наследия», что меняет коннотации ряда единиц.

Заключение

Проведённое сопоставление показывает, что лексика колдовства и знахарства в русском и узбекском языках обладает как универсальными, так и национально-специфическими чертами. К универсальным относятся вера в магическую силу слова, наличие табу и эвфемизмов, противопоставление вредоносного и целительного воздействия. К специфическим — различный этимологический состав (исконно славянский в русском и арабо-персидско-тюркский в узбекском), разные источники оценочности (церковная традиция и двоеверие в русском, исламская нормативность в узбекском), несовпадающие реалии и лакуны.

Результаты исследования могут быть использованы в сопоставительной лексикологии, лингвокультурологии, этнолингвистике, переводоведении и лексикографии, в частности при составлении двуязычных словарей, а также в преподавании русского и узбекского языков как иностранных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. — М.: Индрик, 1994.
2. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. — М.: Индрик, 2000.
3. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. — М.: Астрель, 2000.
4. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М.: Индрик, 1995.
5. Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров: имена собственные в русском магическом фольклоре. — М.: МОНФ, 1997.
6. Мусаев К. Лексикология современных тюркских языков. — Ташкент: Фан, 1984.
7. Раҳматуллаев Ш. Ўзбек тилининг этимологик луғати. — Тошкент: Университет, 2000.

Date: 13thOctober-2026

8. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. — М.: Наука, 1969.
9. Абдуллаев А. Ўзбек халқ таъобати ва анъанавий тиб луғати. — Тошкент: Фан, 1995.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. — М.: Академия, 2001.
11. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азъ, 1992.

